

Разграбление города длилось недолго. К вечеру от него осталась только куча дымящихся руин, а трупы жителей были сложены в огромную кучу, возвышающуюся посреди зеленой полосы земли. По приказу Хана воины убивали всех - от грудных детей до дряхлых стариков.

Не сразу убили только губернатора города. Около часа его подвергали жестоким пыткам, а затем, вскрыв вены, его бросили к остальным трупам.

Роман все это время провел в своем фургоне под присмотром Бейбера; Старик очистил его доспехи, промыл и перевязал рану. Ребро, пробитое копьем, доставляло массу неудобств, при ходьбе, но разведчик был рад, что ему не пришлось прижигать рану; до сих пор он чувствовал себя неуютно, вспоминая искаженное лицо Рустама.

Кхан Тамур, к своей великой славе, приказал вытащить из города огромную нефритовую глыбу, поставить ее перед горой трупов и высечь следующую надпись:

«Тот, кто видит этот камень, пусть дрожит! Я, Хан Тамур, Поддержка Мира и Шейкер Вселенной, был здесь. Тут находятся кости тех, кто осмелился встать на моем пути».

Хан лично руководил установкой памятника, сопровождая свои указания взрывами дикого хохота. Он снова впал в безумие и все чаще прикладывался к кувшину с броссом.

Сада послала Роману записку с одним из ее глухонемых черных рабов. Он едва мог разглядеть, что она нацарапала на маленькой деревянной доске:

«Не приходи ко мне сегодня. Он все еще очень зол, потому что тебе удалось остаться в живых. Ночью на празднике, действуй, как мы договорились. Все будет хорошо».

Роман прочитал записку и задумчиво погладил свой золотой ошейник. Действуй, как мы договорились ... Итак, Сада хочет, чтобы он убил шута; Рустам хочет, чтобы он убил Саду ... А он не хочет этого делать.

Он все еще размышлял над этой дилеммой, когда пришла записка от Рустама.

«Приди ко мне после наступления темноты», - написал воевода.

После заката Монговский лагерь превратился в арену грандиозной оргии. Бросс тек рекой. Воины ссорились, дрались, сразу мирились и выкрикивали пьяные песни. Женщины и дети, прятались, где могли. Всадники, которые были настолько пьяны, что не было ясно, как они держатся в седле, скакали вокруг лагеря, круша все на своем пути - включая их собственные палатки. Телохранители Хана пытались сохранить некоторое подобие порядка, но они потерпели поражение и присоединились к пьяному безудержному веселью.

Роман, пытаясь остаться в тени, без помех добрался до палатки Рустама. Сегодня, несмотря на свой ошейник, он был героем в глазах всех Монговских воинов; они видели, как он возглавлял атаку вместе с их любимым командиром. А Кхан в то время сидел на троне и наполнялся броссом; они не забудут этого. Через несколько часов у них будет еще больше потрясений. Роман думал, что это к лучшему; он устал ходить по канату, протянувшемуся над пропастью.

У палатки Рустама стоял молодой сотник с шестью солдатами; все - трезвые и полностью вооруженные. Сотник почтительно поклонился Гилеву;

-Воевода ждет вас, сир Гилев.

Заходя в шатер, Гилев невольно ухмыльнулся. Его забытый титул вернулся к нему.

Морфо, сидевший рядом с кроватью, на которой лежал Рустам, приветливо кивнул офицеру разведки, но не сказал, ни слова.

Воевода энергично помахал Гилеву левой рукой, но его глаза выдавали боль, которая мучила его. Он отказался пить бальзам, как советовали хирурги Хана, и даже надел легкие доспехи, из которых торчала его плотно забинтованная культя. На полу возле дивана лежал меч и новый, увенчанный хвостом шлем.

- Ну, наконец-то, сир Гилев! Теперь мы обсудим наше дело в спокойной обстановке. Хватит скрываться, как обезьяны в ночи!

Должно быть, на лице Романа появилось удивление, потому что Рустам засмеялся и сказал:

-Ты можешь говорить вслух. Мы окружены воинами, преданными мне, а остальные... кажется, что остальные больше не стоят на ногах.

Люди Сады также выступят этой ночью, - вставил гном. - Она не хуже тебя понимает, что другой возможности может не быть.

Гилев кивнул.

- Он абсолютно прав, воевода.

Рустам устало закрыл глаза.

-Возможно, возможно ... Но мы нанесем первый удар. Мои люди лучше вооружены, и я устрою все так, чтобы они могли присматривать за воинами Сады. А теперь, Морфо, просвети нашего друга.

Гном поднял свой острый подбородок и уставился на Гилева маленькими глазами.

-Я отравлю Хана. Смертельный яд - пару минут, и все кончено. Когда яд начнет действовать, ты должен убить Саду.

-А потом попытайся выжить, пока не придут мои люди, - добавил Рустам. - Они с радостью закончат работу. Конечно, тебе и Морфо придется рискнуть, но если все пройдет гладко и быстро, никто в шатре даже не успеет чихнуть.

Гилев глубоко вздохнул.

-К сожалению, - признался он, - я не могу убить Саду. Она ждет ребенка. Мое дитя.

Оба его собеседника молча, уставились на него. Стало так тихо, что разведчик легко услышал отдаленный топот и шум - пьяные всадники все еще бегали по лагерю.

Левая рука Рустама сжала колено, его глаза холодно блеснули.

- Когда ты узнал об этом? И почему не сказал мне сразу?

- Я хотел сказать, но не представилось возможности. А теперь говорю: я не смогу ее убить.

Прежде чем воевода ответил, Роман сказал.

-Ее не надо убивать, в этом нет необходимости. Лучше оставить ее в заложницах. Мне не нужна сама Сада. Когда ребенок родится, делай с ней все, что хочешь ...

Губы воеводы презрительно дернулись.

-Ты дурак. Ты хороший воин, и я рад, что ты поддерживаешь меня, но ты дурак. Пока она жива, у нас не будет мира. - Он посмотрел на гнома. - Скажи ему. Может быть, ты сможешь вправить ему мозги.

Морфо встал. Задумчиво сморщив лоб и скрестив руки на груди, он начал ходить из угла в угол; колокол наверху его колпака тихо звенел.

-Я думаю, - сказал он, наконец, - что мы не имеем права заставлять Романа делать то, чего он не хочет. Я... я полностью понимаю его чувства. Оставлять Саду в живых опасно, но разногласия между нами еще более опасны. Она его женщина; Пусть держит ее в узде!

Воевода с закрытыми глазами слушал гнома, иногда переворачиваясь на диване, чтобы хоть как-то облегчить боль. Пот стекал по его пепельно-серому лицу, он вытер его полотенцем, Роман заметил, что ткань была мокрой насквозь. Наконец глаза Рустама открылись; он уставился на Гилева и сказал:

-Хорошо, будь, по-твоему. Но знай, сир Гилев, ты отвечаешь за Саду. И имейте в виду - после переворота ты станешь моим главным помощником, моей правой рукой, - он грустно улыбнулся. - У тебя будет много дел. И если Сада сбежит, я отрежу тебе голову ... не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Гилев слегка кивнул.

- Я запомню это, воевода. Я отвечаю за Саду, пока не родится ребенок. Потом я с удовольствием отдам ее тебе.

Улыбка Рустама напомнила ему о волке.

- Значит, договорились.

Они говорили еще полчаса. Шум в лагере не утихал, скорее, он даже усилился; пронзительные крики женщин присоединились к пьяным крикам солдат.

Роману не удалось понять, как шут собирался отравить Хана, потому что он должен был попробовать всю еду, которую предлагали государю.

-Я тебе ничего не скажу, - покачал головой Морфо. - Не обижайся ... никто, даже Рустам, не знает моего секрета. А что ты не знаешь, ты не расскажешь, - закончил он.

Еще раз, пожелав друг другу удачи, заговорщики расстались. Роман пошел к своему фургону, где Бейбер уже приготовил лучшую праздничную одежду.

Сегодня огромный черный шатер Кхана охраняли смешанные охранники: половина его собственных воинов, половина Рустама. После сигнала люди воеводы, должны будут окружить и перерезать солдат Кхана.

Роман приветствовал сотника, который возглавлял охрану, и, зайдя внутрь шатра, был вынужден одновременно затыкать уши и задерживать дыхание: его мембраны почти

разрывались от звуков пронзительной музыки, пьяного смеха и такого опьяняющего аромата бросса в воздухе, что разведчику с трудом удалось удержаться на ногах.

В приемной, освещенной дымящимися факелами, толклись богато одетые дворяне, среди которых черные рабы-евнухи, уже знакомые Гилеву, стояли с огромными кувшинами бросса и золотыми подносами, заваленными кучами фруктов. Оркестр, расположенный в углу, снова и снова повторял одну и ту же варварскую мелодию.

Перед тронами Хана и его сестры кружились шесть почти голых, сияющих тел в танцев. Под поразительно противоречивыми аккордами они демонстрировали тайны лесбийской любви - шесть пар темных грудей с громким шорохом потирали друг друга. Публика ревела от восторга.

Гилев остался у входа. Рядом притулился упрямый старик Бейбер, на своей тележке, он тоже захотел присутствовать на празднике. Ну, это логично: когда хозяин приглашен, его раб тоже приглашен. Но, если дело сорвется, подумал Роман, калеке снесут голову первым.

Сада еще не заметила его. Стоя у входа и знакомясь с ароматами, наполняющими шатер, Роман похлопал Бейбера по плечу и начал пробираться к группе сотников и воевод со знаками отличия Хана на доспехах. Они были уже довольно пьяны и, размахивая руками, не слушая друг друга, хвастались своими подвигами во рву, канаве, на стенах и улицах падшего города.

Морфо появился в шатре; он вытащил корзину золотых дынь, покрытых льдом. Не глядя на Романа, гном подошел к трону и сел у ног своего повелителя. Пододвинув корзину к платформе, шут вытащил разноцветные шарики из кармана и начал катать их в руках.

Танцевальное шоу окончилось. Вяло вздохнув, девушки в последний раз растянулись на полу, вскочили и выскользнули из шатра. Шум барабанов был тихим, рога молчали, и в комнате царил относительная тишина.

Роман ждал, наблюдая за Садой. Она не скрывала своего нетерпения, вертелась на троне и кусала нижнюю губку.

Внесли Рустама. Толпа разошлась, чтобы солдаты прошли с носилками. Они торжественно прошли по шатру, положив свой груз у подножия трона.

Хан Тамур встал, наклонил больную спину почти под прямым углом и сделал несколько неуверенных шагов к воеводе. Роман сомневался, что суверен сможет связать хоть пару слов; Он уже выпил так много бросса, что мог забыть свое имя.

Рога взревели, и в шатре наступила тишина. Хан поднял руку, призывая всех к вниманию, и указал на Рустама. Несмотря на опасения Романа, он собирался произнести речь.

- М-мои поздравления, воевода. Сегодня м-мы хорошо поработали с этими обезьянами ... скоро не забудут! Извини, что ты ранен ... Что ... что говорят целители?

Рустам, опираясь на локоть, приподнялся на носилках. - Проклинаю ублюдка, который отрезал мне руку ... Ему захотелось попрактиковаться на мне.

В шатре заржали. Хан тоже улыбнулся, щурясь налитым кровью глазом.

Когда смех утих, Рустам продолжил:

-Это всего лишь рука, о Всемогущий; не самая ценная вещь, которую я готов пожертвовать ради своего повелителя.

Эта фраза была сигналом для Романа. Он осторожно подошел ближе к платформе. Рустам предвидел все - после такого напыщенного начала Хану придется обратить внимание на Романа.

Гилев ступил на огромный вышитый ковер и подошел к тронам. Он низко поклонился Хану и Саде, затем расправил плечи сказал:

-Я счастлив, о повелитель мира, что мне позволено присутствовать сегодня на этом великом празднике. И я хочу еще раз поздравить Шейкера Вселенной с его блестящей победой.

Кхан повернулся к нему. Его рот скривился, глаз почти выпрыгнул из орбиты. Он дышал громко, с перерывами, и Роман понял, что Всевышний пытается восстановить контроль над собой.

Наконец, ему это удалось, и Хан заговорил неожиданно ясным и спокойным голосом.

-Тебе сегодня невероятно повезло, сир Гилев. Дважды или трижды?

Разведчик, не дрогнув, выдержал взгляд Кхана.

-Только дважды, мой господин.

Теперь понятно - Хан ничего не забыл. Сейчас он разыграет комедию и будет ждать другого подходящего случая, чтобы раз и навсегда расправиться с ним.

Всемогущий прикусил губу, гнилыми зубами.

-Я благодарю тебя, Сир Гилев, как и все другие воины. Но моя благодарность - это не просто слова; Ты снова, сир Гилев, и ты можешь снять ошейник.

Хорошо. Гилев сорвал с шеи обруч, который ему надоел, и отбросил его прочь. Один из черных евнухов сразу наступил на золотую полоску.

Хан снова поднял руку, требуя тишины.

-Мы увидели, как сир Гилев сражался этим утром. Мы увидели, что удача сопровождала его в битве, - холодно сверкнул глаз Хана. - Мы, Монги, ценим удачу и мужество. Поэтому я приказываю начать подготовку к свадьбе; Гилев отныне - мой воевода-тысячник. И ты будешь служить мне! Только мне! - огрызнулся государь, уставившись на нового воеводу. - Я одарил тебя почестями, отдам в жены сестру! И ты будешь сидеть на троне рядом со мной! - повернулся к евнухам, - Принесите, трон ему!

Мгновенно рабы вернулись с маленьким стулом и поставили его рядом с тронном Сады. Хан торжественно поднял руку.

- Вы все видите, как я держу свое слово!

Под восторженным ревом толпы Роман подошел к своему стулу и сел слева от Сады. Только теперь он понял, каким большим уважением пользуется у Монгов. В этот день он смог продемонстрировать те качества, которые они ценили больше всего на свете - мужество и удачу в бою.

Сада нежно улыбнулась и положила свою теплую руку ему на плечо.

-Помни, что ты должен делать, - прошептала она, ее глаза блестели взволнованно.

Хан махнул гному.

- Дай мне дыню, идиот. От этих разговоров у меня пересохло в горле, - он наклонился и сделал сильный глоток из кувшина перед собой.

Роман, смотрел, на гнома, не отрываясь. Сейчас? Что сейчас будет?

Черный раб появился на платформе и прошептал что-то Хану на ухо. Он слушал и благосклонно кивал головой.

Морфо выбрал самую спелую дыню из корзины, вытащил нож из-за пояса, аккуратно разрезал ее на две половинки и, слегка поклонившись, дал Хану одну из них.

Когда государь был пьян, он часто забывал, что первый кусок должен идти шуту. Но теперь Всемогущий почему-то колебался. Он опустил золотой плод и хитро посмотрел на маленького человечка

- Ну, кусай первым, шут! Тебе платят, чтобы ты попробовать мою еду ... Так что пробуй!

Внезапно половинка дыни в руке Морфо вскрикнула тонким голосом.

- Съешь меня, дурак! Тогда великий Кхан сможет съесть моего брата! - дыня громко рассмеялась. - Ты сам порезали меня перед всеми. Хватит ломаться, съешь меня скорее!

Гном наклонил голову и бросил здоровенный кусок в рот. Хан покатился со смеху, и все остальные немедленно присоединились к веселью. Всемогущий сунул зубы в свою половину, откусил и, начал жевать. Прозрачный сок, стекающий с его подбородка, капал на его роскошный наряд.

Гилев глубоко вздохнул и вытер пот со лба. Если Морфо сработал правильно, то ожидание будет недолгим.

Сада нежно погладила его по колену.

- Что с тобой, Гилев? Ты выглядишь беспокойным.

Кхан, снова вонзив зубы в сочную плоть, поднялся и помахал рукой.

-А теперь, - заявил он, бросая кожуру на пол, - у меня есть еще одна хорошая новость для вас. Я, ваш хозяин, тоже женюсь! Наконец я нашел ее - луну среди тусклых звезд, которая в старости коснулась моего сердца! - Хан хлопнул ладонью. - Введите сюда невесту великого Хана, повелителя мира!

Толпа задыхалась от удивления. Хан широко улыбнулся, довольный тем, что ему снова удалось всех удивить. Он взял кувшин с брасом и долго пил за него. Пока Всевышний пил, его здоровый глаз, всматриваясь за край сосуда, на вельмож и военачальников, собравшихся в шатре.

Сада, как показалось Роману, спокойно восприняла эту новость, только тень раздражения вспыхнула на ее лице и сразу исчезла. Взгляд принцессы упал на черных евнухов и вернулся к

разведчику. Слегка шевельнув губами, она сказала:

- Готовься скоро.

Евнухи, медленно спускаясь по проходу, толкали перед собой худую девушку, одетую в богатое платье. Ее темные кудри густыми волнами падали на незащитные узкие плечи. Она была действительно прекрасна, и сердце Романа на мгновение перестало биться.

Девушка споткнулась и чуть не упала, но один из рабов поймал ее вовремя. Она вслепую пожала руку, и в последовавшей гробовой тишине ее голос отозвался слабым эхом:

- Отец, где ты? Мне здесь не нравится. И ... и мне страшно!

Нэнти стояла перед троном.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/476849>